

A hand is seen reaching out of dark, rippling water. The background is a dark, stormy sky with heavy, grey clouds. The overall mood is somber and mysterious.

Дмитрий Федюшин

Акула в черном небе

18+

Дмитрий Геннадиевич Федюшин

Акула в черном небе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39106592

SelfPub; 2020

Аннотация

Что, если законы времени отходят на второй план и перестают полноценно влиять на вашу жизнь? Что, если некоторые события продолжают идти в ногу с временем, а некоторые – невероятным образом прокручиваются снова и снова, словно приходят из другой реальности? Именно это происходит с главным героем. Сперва эффект дежа вю касается каких-то мелочей, случайных прохожих. Но вскорости повторяющихся элементов возникает все больше, и они становятся все более навязчивыми.

Содержание

1	4
2	8
3	12
4	16
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

1

Как только мне попал в руки листок с этим непонятным текстом, я тут же застыл.

Мы распаковывали пакеты почты, которые прибывают к нам регулярно со всех городов Украины. Обычно там были лишь анкеты, заполненные посетителями супермаркетов на получение дисконтных карточек. Но вдруг из очередного пакета, подписанного уже не помню каким городом, я выудил сложенный вчетверо, засаленный листок бумаги. Отложил анкеты, развернул и моему взору предстал, написанный от руки, сплошной текст весьма необычного содержания. Манеру письма очень сложно охарактеризовать. Все было неуклюже сплетено воедино, изложено самым запутанным и несуразным образом: некоторые слова писались вместе, некоторые слишком часто повторялись. Автор говорил о гнили бытия, выражал омерзение ко всему окружающему и делал это настолько дико, и местами даже похабно, что меня самого начало тошнить. Я не мог прочитать это полностью, сознание блокировало поступающую информацию и заложенный в ней смысл. С одной стороны – психика выставила свой щит против этого странного текста. С другой – он был настолько неправильно написан, что усвоить это не представлялось возможным. Да, он явно принадлежал перу какого-то психа, причем неграмотного. А может он специ-

ально все так организовал?

– Что там у тебя?

Я посмотрел на сотрудника и первые несколько секунд еще был в оцепенении, а затем сказал:

– Та фигня какая-то непонятная.

Он протянул руку и я дал ему листок. Он пробежал глазами текст. С лица не сходило презрение, а после оно переросло в отвращение. Сотрудник выдержал не более двадцати секунд, затем сложил листок в былое положение и швырнул на край моего стола.

– Дебил какой-то конченный, – буркнул Саня и вернулся к работе.

– Да уж, что-то совсем неадекватное, – согласился я и стал водить указательным пальцем над правой бровью.

Я часто так делал, когда о чем-то размышлял или был в замешательстве.

Как-то уж очень быстро мой сотрудник отверг нечто новое и непонятное. Его окостенелый мозг не дал никаких шансов, без колебаний определил это в разряд ненужного, поскольку оно не соотносилось ни с чем предыдущим, что уже лежало в багаже знаний. Может, и правильно так жить. Может, тогда мы оградим себя от едкого газа, просачивающегося сквозь незаметные щели в нашу обитель, старательно выстроенную из таких родных и знакомых вещей. Ведь, если таким увлечься, то в один прекрасный момент это хрупкое строение может рухнуть, хороня под обломками устоявшие-

ся убеждения. И потом все равно захочется заново строить, а на это уйдет много времени. И новое здание в равной степени может быть, как лучше и прочнее, так мрачнее и неустойчивей.

Но с другой стороны это может быть не едкий газ, а свежий воздух, для которого просто необходимо открыть окно.

Я попробовал вернуться к работе, но вдруг почувствовал какую-то опустошенность. Будто все вокруг перемешалось в грязно-серых тонах. Последние месяцы это состояние посещало меня все чаще. Оно приходило без видимых причин, неожиданно захлестывало и сковывало в липких, холодных объятиях. Пытаться бороться было тщетно, поэтому я вышел перекурить.

Терпкий дым приятно защищал горло и вместе с ним я вдохнул морозный воздух.

Рядом было ярко освещенное офисное здание, плюс возле него горел фонарь, так что между нашим складом и этим домом в темное время всегда был яркий пятачок. Как свет рампы, только в нем не вершилось искусство и вообще не происходило ничего интересного. Всего лишь прямые фигуры и скучающие лица офисных работников, бесконечно идущих туда-сюда. Но сейчас на свету блестел свежевypавший снег. Он продолжал медленно падать, нежно кружась огромными хлопьями.

Ну наконец-то. А то все уже устали от грязной, сырой зимы с плюсовой температурой и почерневшим давним сне-

гом, лоскутками лежащем на траве.

Я оглянулся на оббитое металлом, одноэтажное здание склада. Некрасивое и грубое оно робко заглядывало в свет рампы из зимнего вечера. Кажется, стало получше. Сигарета и долгожданный снег, что ж, неудивительно.

Когда я заходил на склад, мне вспомнилось несколько строк из недавно прочитанного текста:

"Уродочеловеки блеют на тонких лапах перед всесилой. Плодятся незамедлительно твари. Не человекоуроды, уродочеловеки. Изрыгают в миллиардах молекул свое отвратное присутствие на траву/деревья, оскверняя."

Удивительно, что я сумел запомнить такие нескладные выражения. По спине у меня побежали мурашки. От этих мерзких слов веяло потусторонним.

Когда я вернулся к работе, в голове был смог, в котором тонуло восприятие окружающего, и я пожелал, чтобы поскорее закончился рабочий день.

2

По дороге на работу в маршрутке мне в кои-то веки удалось сесть, причем не за пять минут до моей остановки. Обычно эти долбаные старые "Газели", которые до сих пор почему-то не поменяли на "Богданы", как на большинстве остальных маршрутов, так забивались спешащими на работу, что чувствовал себя килькой в банке. Но сегодня выдалось полегче, несмотря на то, что стоял час пик понедельника.

Я смотрел на унылый грязно-зимний пейзаж за окном, когда мой взгляд привлек человек, сидящий спереди. Точнее не он сам, а его татуировка на всю шею. Изысканное, рифленое зеркальце, какие бывали у дам до технологического века, а в отражении человек без лица. Голова у силуэта была на месте, но вместо лица лишь тусклое, белесое пятно, вокруг которого космами висели волосы. К тому же татуировка была исполнена в черно-белом цвете, что добавляло ей особой сумрачности. Она показалась мне необычной, хотя я в них ничего не смыслил. Тату притягивало взгляд и навевало странные ассоциации. Сознание мое провалилось в пучину мрачных сюрреалистичных образов.

"Уродочеловеки блеют на тонких лапах перед всесилою. Стоя вниз головой, исступленно тянутся к грязному нижнему небу."

Непонятным образом мысленные картины начали сплетаться с этими выражениями. Строки из загадочного текста неустанно звучали в голове и словно большие грубые руки, тянущиеся из темных глубин моего подсознания, сдавливали черепную коробку.

Я будто в тумане вышел на остановке.

Понемногу я стал насыщать свой мозг атрибутами умиротворения, подобно тому, как человек развешивает благоволия и обставляет комнату вещами, излучающими положительную энергетику. Потому, когда я заходил на работу, тауировка и все последующее покинуло мои мысли.

На складе было холодно. Кирпичное здание без отопления, обшитое металлом и с бетонным полом очень быстро поддавалось погодным условиям, поэтому у нас стоял на тонкой ножке переносной обогреватель. Однако ноги он не спасал, особенно в такой мороз как сегодня, и мы клали под свои столы толстые пластины пенопласта, поскольку большинство времени нам приходилось проводить в сидячем положении. Сами облачались в куртки, а на руки надевали обрезанные перчатки, чтобы они не стесняли движения пальцев, которым приходилось резво перебирать анкеты.

Мы часто подшучивали, что жизнь у нас собачья: собачьи условия работы, отношение начальства, как к собакам. А также сравнивали себя с бедными китайскими рабочими. Да, платили нам немного, но все остальное я воспринимал исключительно с юмором, так как в большинстве был не со-

гласен с этими утверждениями.

Не знаю, что на самом деле думал мой сотрудник, но я вполне понимал, что у нас мало общего с бедными китайскими рабочими, которые пашут на огромных фабриках с кучей людей и вечной суматохой. Работают по двенадцать, а иногда и четырнадцать часов в день и проживают в маленьких комнатухах при этих заводах. Мы же работаем по стандартному графику: восемь часов, плюс час обеда, пять дней в неделю. Коллектив у нас маленький – всего-то три человека, и дружный, но со своими нюансами, конечно. А суматоха здесь редкий гость. Поэтому все наши саркастичные, а порой и похабные шутки по поводу начальства и их отношения к нам – не более, чем механическое взаимодействие социальных слоев. Они на слой выше и командуют, мы скрипим зубами и отпускаем между собой грязные шуточки, чтобы хоть как-то свести счеты с глупыми чурбанами, по счастливой случайности оказавшимися над нами. И тут уж не важно – хорош начальник или плох, ему не избежать шушуканья в низах. Но почти всегда все это не всерьез.

А условия работы у нас были приемлемые. К тому же она не требовала интеллектуальных усилий, не поглощала мысли, поэтому хватало времени думать о чем-то своем, планировать, мечтать. Также мы общались, слушали музыку по радио из магнитофона с антенной, стоящего на полке и во всем этом был какой-то свой уют, своя романтика. Несмотря на то, что здесь нечего и думать о карьерном росте и денег по-

рой не хватало, я достаточно часто находил в этой работе комфорт. Возможно, мои суждения тождественны с образом человека, не желающего думать и самореализоваться, не любящего трудности. Что же, может и так, но моя жизненная позиция такова – главное получать удовольствие. И если я нахожу хоть какое-то удовольствие в такой работе, способен видеть его в мелочах – значит я уже не несчастен. И не стоит от этого отказываться ради общепринятых целей.

3

Я курил, сотрудник – нет. Но когда я выходил раз в час-полтора на перекур, он часто составлял мне компанию, чтобы просто подышать воздухом. Зимой он делал это реже, поскольку не выносил холод, в отличие от меня, но порой желание сменить обстановку перевешивало все остальное.

– Мне такой сон приснился. – Неожиданно нарушил молчание Саня. Из рта его клубился пар.

– Эротический? – подмигнул ему я.

– Не, стремный, – покачал он головой с каменным выражением лица. – Шторм бушует. Я в море... или в океане. Качаюсь на волнах, а в небе такие черные тучи, молнии поблескивают. А потом там появляется огромная акула в форме тучи. Нет, не тучи, а как из дымки... и громадная, на все небо! А в ней еще маленькие, еле видны дымкой. И шум океана, как будто рев... И вдруг меня тянет вверх, прямо в акулюю пасть.

Саня замолчал, не зная, как продолжить. Похоже, за этими туманными описаниями скрывался целый спектр образов, которые он не мог выразить или четко вспомнить. У меня же по спине побежали мурашки, переданные им картины, обрели в моем воображении невероятно мрачный окрас. А в душу закралось эфемерное, мистическое ощущение дежавю.

– Да, неприятный сон, – задумчиво заметил я. – А ты был на лодке или как.

– Сначала на лодке, а потом просто в воде посреди бушующего океана. – Помедлив, сотрудник добавил: – А вода черная, как смоль и даже пены не видно... Стремно в общем.

– И чем закончилось?

– Та фиг его знает, не помню.

Я затушил бычок и мы вернулись к работе. Но возникшее чувство до самого вечера не отпускало и порой с новой силой погружало меня в нечто неведомое и жуткое, при этом давая смутные, мучительные в своем безысходном таинстве, намеки на что-то знакомое.

На долгом пути к маршрутке я сумел наконец полностью отвлечься. Студеный воздух сопутствовал этому, на улице было около 15-ти градусов. Вечер был светлым благодаря снегу, обильно выпавшему за эти несколько дней. Да, сейчас была настоящая зима, которая в наше время является всего на несколько недель за сезон.

Архитектура вокруг, как везде в нашем городе, была из разных эпох. Старые, кирпичные, приземистые здания времен Союза перемежывались с более высокими, панельными домами 90-х и новостройками. Контуры были четко очерчены в чистом, морозном воздухе.

Люди, закутанные в темную одежду, мелькали мимо, спеша к теплу. В их поведении чувствовалась суета, а я напротив шел медленно, наслаждаясь этой суровой погодой. На-

слаждаясь легким испытанием, после которого теплая квартира и чашка горячего чая покажутся большой радостью.

Когда я спустился в подземный переход, ощущение deja vu неожиданно накатило новой волной и опутало плетями каждый мозговой нерв. Но на этот раз его вызвало конкретное происшествие. Спереди меня поворачивали к лестнице и подымались к выходу двое мужчин. Ничего особенного не было ни в их походке, ни в одежде. Их общий облик никак не выделялся на фоне других прохожих, идущих мимо меня, но, тем не менее, все в них наталкивало на это чувство. Кажется, я видел этих людей вчера или позавчера, и посмотрел на них точно в тот же момент, когда они поворачивали и подымались вверх. Словно, эффект перемотанного видео.

Странное это было ощущение, ни на что не похожее. Страх, как такового не было, но все вокруг как будто беззвучно задрезжалось. Казалось, что реальность сейчас рассыпется, раздробится и моему взору откроется совершенно иной мир.

Мужчины шли впереди меня метров на 15-20, но, когда я вышел из перехода, они исчезли из поля моего зрения.

Пребывая в каком-то полусне, я на автомате подошел к остановке и стал ожидать маршрутку, которая ходила редко и не будь я так терпелив к холоду, предстоящие 10-20 минут показались бы мне необычайно долгими. Однако время пролетало незаметно, пустым, невидящим взглядом я бороздил до тошноты знакомый ландшафт.

Вдруг мне на глаза попался сложенный вчетверо листок бумаги, лежащий на скамейке остановки. Ничего особенного, просто чистый листок. Если там и было что-то написано, то внутри, да и вряд ли это что-то интересное, скорее всего какой-то школьник забыл самостоятельную работу. Однако ко мне сразу же пришла мысль, что это тот листок, который я находил в пакете почты.

Вот теперь я почувствовал страх, он незаметно сжал внутренности в тугий комок. Мне снова показалось, что окружающая реальность пошла трещинами. Словно, из темных недр бытия, не видимых человеческому глазу, на мир влияли неведомые властелины, расшатывая его.

В голове опять зазвучали отвратительные фразы из текста. Промелькнуло желание взять листок в руки и развернуть, чтобы окончательно удостовериться, что это именно он, но тут в противовес выступила логика, утверждающая, что это невозможно. Плюс у меня без всяких причин возникло опасение, что если это действительно тот листок, то в нем обязательно скрываются новые сюрпризы.

Так я и стоял, пока ждал маршрутку, поглядывая на скамейку, терзаясь сомнениями и временами погружаясь в ассоциативный поток мрачных картин.

4

Следующий день был выходной, и я поехал навестить брата. Как и в прошлый выходной и в позапрошлый, как, впрочем, почти во все выходные за последние годы.

Ворота психбольницы, как всегда, открывал не сторож, а один из пациентов, которые по очереди дежурили. Охранник оставался на КПП, к чему ему выходить на улицу в такой холод. К чему ему вообще лишний раз напрягаться, ведь дело было не в холоде, летом ворота тоже открывали пациенты.

Впустив меня через дверь, врезанную в широкие металлические створки ворот, на меня странно посмотрела женщина неопределенного возраста. Ни одна из эмоций, которые мы встречаем в жизни за этими воротами не соотносится с этим взглядом, потому его невозможно охарактеризовать, имея за плечами лишь опыт из внешнего мира. Да и была ли там эмоция? В глазах отталкивающе светилась пустота, а лицо, обрамленное растрепанными волосами, с тонкими, непомерно длинными губами имело какое-то карикатурное выражение, как клоунская улыбка.

Женщина проводила меня взглядом до КПП и затворила дверь. Она вполне могла убежать в этот момент. Впрочем, стоя здесь, у нее уже было много шансов, но она почему-то не убегала. Почему? Не знаю, но думаю, будь такой риск, охранник не ставил бы ее у ворот.

Не успел я дойти до корпуса, как у женщины появился очередной шанс. На этот раз пришлось полностью открывать ворота и на территорию больницы въехала бело-серая, дребезжащая "Газель". Машина подъехала к кухне и к ней тут же подоспело несколько пациентов, прогуливающих невдалеке. Стали разгружать соки. Разумеется, ни один из медперсонала не был задействован в этом процессе, разве что повара принимали товар уже на кухне. Но больные не жаловались, напротив, некоторые так обрадовались, что стали выкрикивать:

– О, соки! Соки приехали!

Словно, они очень долго этого ждали, хотя я знал, что сок здесь привозят довольно часто.

Брат отдыхал на койке, но видно спал не крепко, потому что стоило мне затворить дверь палаты, как он открыл глаза и улыбнулся. Значит был в хорошем настроении, что не могло не радовать, с учетом того, как это редко бывает.

Я подошел к нему и, наверное, как всегда, на моем лице отразились сострадание и жалость. Говорят – человек привыкает ко всему. Это так и есть, я уже привык, что брат находится здесь и даже смирился с этим, но видимо не полностью. Поскольку скорбь и желание, чтобы все было иначе – никуда не делись. Они порой затихают, когда я забываюсь в бытовых делах, но стоит оказаться здесь, как истина сжимает горло.

Меня печалило, что брат стал выглядеть истощенным и

старым. Я интересовался, как его кормят, но все было приемлемо, значит дело не в кормежке. Тем не менее он выглядел гораздо старше меня, на лет десять, как минимум, хотя мы были одного возраста. Раньше, когда я смотрел на него, мне казалось, что я гляжу в перевернутое зеркало. Неудивительно, ведь мы – близнецы. Но в последние годы это ощущение пропало.

5

Морозы продлились недолго. Опять воцарилась сырая погода. На улице было +1-2 градуса, снег темнел и таял, превращаясь на тротуарах в грязное месиво. Маршрутка снова была забита и в зимней куртке мне стало жарко, хоть я и расстегнул ее.

Серое утро. Серая морось поглощала все, казалось, даже лица людей стали серыми. Довлеющая действительность, невыносимая в своем однообразии. Я снова стоял, сзади напирала люди, и я не падал на сидящего лишь потому, что держался за перекладину.

Вдруг перед глазами у меня возник человек с белесым пятном вместо лица, заключенный в рамку зеркала. Промелькнул размытым черным силуэтом на однотонности обзора. В первую секунду я растерялся и почувствовал легкое головокружение. Как только пришел в себя, стал беспокойно оглядываться, будто татуировка, независимо от тела, могла находиться где угодно. Я действовал лихорадочно и вполне мог привлечь к себе подозрительные взгляды окружающих, однако на меня никто не обратил внимания. Все лица, в поле моего зрения, приняли каменное выражение и отупело смотрели в пустоту. Моя мокрая спина мгновенно покрылась холодным потом, и я тут же увидел обладателя татуировки. Он сидел на том же месте, что и в прошлый раз, в отличие от

меня. Я стоял чуть сзади, так, что иногда (в зависимости от качаний маршрутки и пассажиров) мне на глаза попадал этот человек без лица, эта необычная картинка, неизменно притягивающая взгляд.

Меня бросило в дрожь, хотя в маршрутке было жарко, и я начал погружаться в какое-то странное состояние. Мозг словно тонул в черной маслянистой пучине мрачных образов, навеянных этой татуировкой. В голову опять полезли гадкие высказывания из текста, найденного мною.

Но тут я собрался и пришел в себя, вырвался из холодных объятий химер. Сперва мне показалось уникальным такое совпадение, но затем я подумал, что некоторых людей в этой маршрутке (может, одного-двух) я вижу почти каждый день на протяжении уже многих месяцев. Что же такого в том, чтобы встретить одного и того же человека лишь второй раз?

Посмотрев в окно, я с удивлением обнаружил, что почти приехал и начал протискиваться к двери.

Когда я уже шел по улице и под ногами у меня мерзко чавкала слякоть, до моего сознания дошло два факта, повергшие меня в ступор. Я замер посреди тротуара и изо всех сил попытался вспомнить лицо человека с татуировкой, но все было тщетно. Этот момент, который должна была запечатлеть память, ускользал от мысленного взора и скрывался в черной пропасти забвения, хотя я отчетливо помнил, как, стоя у двери маршрутки, посмотрел на него. Никто из пассажиров его не загородил, я посмотрел в упор и увидел лицо,

но теперь этот кадр исчез. Вылетел из головы и провалился в небытие, словно выброшенный файл.

Второй факт, застопоривший меня, был не менее необычным. Я ясно вспомнил, что перед тем, как обратить внимание на татуировку, мы проезжали места, от которых до моей остановки около 20-30 минут езды. Но в то же время, по ощущениям, в потоке ассоциаций я пребывал не более минуты.

Этот день прошел как-то особенно однообразно, созвучно с погодой, гадкая морось которой проникла во все нюансы жизнедеятельности и отчасти диктовала наше мироощущение.

Меня не покидали странные и тревожные чувства. Все вокруг казалось другим и, в то же время, – пугающе одинаковым.

С работы я шел быстро, словно хотел убежать от этого дня, поскорее завершить его. Я очень редко мерз, к тому же был тепло одет, но сегодня сырость продирала до костей. Казалось, что вся одежда на мне – не более, чем тонкая мантия, лишь прикрывающая наготу, а отнюдь не греющая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.